

не происходило изменения философских основ нашего мышления. Ни материализм, ни идеализм не отвечают сегодня духовному императиву устойчивого развития. Такой системой, на наш взгляд, является философия диалектического реализма. Это такая концептуальная система, которая сочетает субстанциональность и самоценность природы с разумной свободой человека, а творческую силу человеческого разума – с космическим порядком бытия. Это такое мировоззрение, стоя на почве которого, можно быть реалистом, т. е. мыслить себя в реальном единстве с природой, но вместе с тем утверждать и самобытность человеческого духа с его постулатами о сверхприродном, идеальном бытии. Формирование исходных принципов философии диалектического реализма мы связываем с творческим переосмыслением философского наследия выдающегося русского мыслителя В. С. Соловьева.

¹ См.: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. 1996. 9 апр.

² Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 330.

³ Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 2. С. 536.

⁴ Там же. С. 557.

⁵ См.: Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 1. С. 284.

⁶ См.: Соловьев В. С. Там же. С. 535.

⁷ Соловьев В. С. Там же. С. 452.

⁸ См.: Мантатов В. В. Стратегия Разума: экологическая этика и устойчивое развитие: В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ, 1998; Т. 2, 2000; Мантатова Л. В. Устойчивое развитие: экология и человеческий дух. Улан-Удэ, 1999.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ

М. Ф. Румянцева

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Современную социокультурную в целом и теоретико-познавательную ситуацию принято характеризовать как *состояние постмодерна*, базовой характеристикой которого является кризис исторического метарассказа¹.

Кризис исторического метарассказа – это реальность актуального исторического знания. Он не может оцениваться в морально-этических категориях «хорошо – плохо». Например, с этим кризисом, на мой взгляд, связан – по крайней мере в некоторых своих проявлениях – такой любопытный феномен современного исторического знания, как микроистория. С этим же кризисом, проявляющимся как недоверие массового сознания к глобальным историческим построениям, связан и явный рост интереса к краеведению. Но мы должны четко понимать, что кризис метанарратива национального уровня ведет к атомизации социума и в конечном счете к утрате национально-государственной идентичности.

В этой ситуации профессиональный историк должен сознавать свою ответственность. Он может осознанно принять ситуацию, как она есть, и увеличивать энтропию путем дробления поля исторического исследования на мелкие делянки. Но при этом придется признать, что формирование социальной памяти как основы самоидентификации социума отдается на откуп идеологам различного толка – от ультразападников до ура-патриотов. Историк может попытаться искать выход из кризиса исторического метанарратива, что возможно, на мой взгляд, лишь на путях теоретико-методологической рефлексии. В этих целях может быть актуализирована неокантианская по своим философским основаниям теоретико-познавательная концепция А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), наиболее последовательно изложенная в его фундаментальном труде «Методология истории»².

Рассматривая психологическое понимание человека как основную задачу гуманитаристики, а понимание человека прошлого (и шире – индивидуума, под которым может пониматься как отдельный человек, так и общность людей, в предельном смысле – человечество) как задачу исторической науки, Лаппо-Данилевский создает оригинальное учение о продуктах культуры – исторических источниках, составляющих основу такого понимания. Он определял исторический источник как реализованный продукт человеческой психики, пригодный для получения фактов с историческим значением, тем самым определяя и суть отношений в системе «историческая действительность – исторический источник – историческое знание» как диалог личности историка и личности автора источника на основе принципа «признания чужой одушевленности». Этот принцип, базирующийся на концепции «описательной психологии» как методологической основы гуманитарного знания В. Дильтея, является системообразующим в концепциях русских философов и методологов рубежа XIX–XX вв. А. И. Введенского, И. И. Лапшина, А. С. Лаппо-Данилевского.

Воспроизведение «чужой одушевленности» достигается главным образом в процессе интерпретации исторического источника. Лаппо-Дани-

левский детально разрабатывает интерпретационные процедуры. Он определяет интерпретацию как «*общеэзначимое научное* (курсив мой. – М. Р.) понимание исторического источника». «Идеальная интерпретация источника, – пишет Лаппо-Данилевский, – разумеется, состояла бы в том, чтобы истолкователь достиг такого состояния сознания, при котором он мог бы самопроизвольно обнаружить его в произведении, тождественном с данным, и при котором он, значит, мог бы понимать его как свое собственное»³.

Соглашаясь с Лаппо-Данилевским в том, что целью научной интерпретации является достижение общеэзначимого знания, мы не можем разделить его представление об идеале интерпретации. Вслед за В. Дильтеем, он считал, что исследование начинается с «научного анализа элементов своей собственной душевной жизни». Ученый так описывает процесс воспроизведения «чужой одушевленности» в ходе гуманитарного исследования: «...он [историк] как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее и т. п.; ему приходится искусственно... ставить себя в условия, при которых он может вызвать его и т. п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий...»⁴. Таким образом, рефлексия собственного сознания является основой понимания «другого».

Против этого невозможно возражать, но представления ученого явно находятся на дофрейдовской стадии гуманитарного знания. Границы исторического познания Лаппо-Данилевский обуславливает невозможностью полного воспроизведения чужой психики. Не будем здесь останавливаться на учении З. Фрейда и не менее важной для гуманитарного познания концепции К. Юнга. Заметим лишь, что З. Фрейд показал, что структура психики сложна и недоступна полностью самопониманию, то есть исследователь, исходя из собственной психики в понимании «другого», сам себя до конца не понимает. Отсюда можно сделать пессимистичный, типично постмодернистский вывод: интерпретаций произведения культуры столько же, сколько интерпретаторов (и даже больше, поскольку один человек может по-разному интерпретировать произведение), все интерпретации равноправны (в том числе и авторская), и, следовательно, говорить об «общеэзначимом» понимании не приходится. Основания такого подхода были осмыслены Р. Бартом в его известной статье «Смерть автора».

Но возможно и другое направление размышлений. Исследователь, находясь в иной точке эволюционного пространства, имеет возможность

воспринимать исторический источник в контексте всей породившей его культуры и, следовательно, понять его глубже, чем понимал автор. Но в этом случае задача историка – достичь целостного понимания культуры прошлого путем обращения *ко всей совокупности порожденных этой культурой исторических источников*. Именно в этом основание строго научного исторического знания. Именно система продуктов культуры, порожденных той или иной исторической реальностью, и создает искомый исторический контекст. И фундамент такого подхода заложен в целостном учении А. С. Лаппо-Данилевского об исторических источниках как продуктах культуры. Суть этой концепции в формулировке О. М. Медушевской выглядит следующим образом: «Методология истории (любого гуманитарного исследования по сути) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому, как всякая хорошая теория, проста в общем ее изложении: реально существуют фрагменты реальности (“доступные чувственному восприятию”), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяет отыскать в этих фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномен культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и самое целое культуры (методология исторического построения)»⁵.

А. С. Лаппо-Данилевский выделяет четыре метода интерпретации: психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий – и обращает внимание на необходимость их сочетания в разных комбинациях в зависимости от особенностей исследуемого исторического источника. Мы же обратим особое внимание на типизирующий метод интерпретации, в ходе реализации которого исследователь воссоздает целостность культуры, породившей тот или иной исторический источник. Исследователь пишет, что историк для того, чтобы «придать толкованию источника более исторический характер... исходит из понятия о том культурном типе, к которому источник относится, и сообразно с ним понимает его содержание»⁶. При этом культуру Лаппо-Данилевский рассматривает как в коэкистенциальном («состояние культуры»), так и в эволюционном («период культуры») плане и в соответствии с этим разделяет систематическую и эволюционную интерпретации. В целом, типизирующий метод интерпретации дает историку возможность с систематической или эволюционной точки зрения выяснить те родовые признаки источника, которые объясняются реальной его зависимостью от среды, т. е. от данного состояния или периода культуры... Таким образом, типизирующая

интерпретация, с одной стороны, создает условия для индивидуализирующей, в ходе которой исторический источник рассматривается как «продукт более или менее цельной индивидуальности»⁷, а с другой стороны, позволяет воссоздать *эволюционную и коэксистенциальную целостность культуры*, что, в свою очередь, создает основу для адекватного понимания социальных и культурных феноменов.

Эпистемологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского находится в русле герменевтики – философского направления, определившего принципиально новый характер мироосмысления и самоидентификации индивидуума в XX в. Причем, исходя из «герменевтики сознания», разработанной Шлейермахером и преимущественно Дильтеем, Лаппо-Данилевский предвосхищает «герменевтику бытия» – направления, разработанного Гуссерлем – Хайдеггером – Гадамером, встраивая и личность исследователя и феномен исторического источника в единство реальности «мирового целого».

Таким образом, источниковедение, конституированное в концепции А. С. Лаппо-Данилевского как наука о системах исторических источников, порожденных разными культурами, и методах их исследования, с целью получения целостного общезначимого знания об истории человека и общества, приобретает смысл системообразующей дисциплины в гуманитарном знании. И в ситуации постмодерна оно приобретает особый смысл не только потому, что позволяет на феноменологической основе воссоздать культурное целое. Феноменологическая основа источниковедения дает реальную почву для обращения к массовому сознанию и преодолению кризиса доверия к научному историческому знанию путем обращения к историческому источнику – объективированному продукту культуры, свидетельству творческой активности «другого» – человека иной, прошлой, культуры.

¹ См.: Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна: Пер. с фр. СПб., 1998. С. 10.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 1–2. СПб., 1910–1913.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. Вып. 2. С. 408–409.

⁴ Там же. С. 315–316.

⁵ Медушевская О. М. Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999. С. 108.

⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. Вып. 2. С. 463.

⁷ Там же. С. 493.